

ԿԱՅԵՐԵՐԱՆՈՒՄ

Дуглас Ричардс

КВАНТОВОЕ ЗЕРКАЛО

ГРАНД МАСТЕР

МОСКВА
2018

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
P56

Douglas E. Richards

QUANTUM LENS

Copyright © 2014 by Douglas E. Richards

Ричардс, Дуглас.

P56 Квантовое зеркало / Дуглас Ричардс ; [пер. с англ. М. В. Смирновой]. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 384 с.

ISBN 978-5-04-091984-0

Дуглас Ричардс – легенда современного технотриллера. Критики в один голос называют его автором, который не только с успехом продолжает лучшие традиции основателей жанра, но и сумел завести в нем новую моду. «Квантовое зеркало» — показательный образец фантазии и мастерства Ричардса.

Это все-таки произошло. Наука обнаружила закон мироздания, физически связывающий сознание с материей Вселенной. Теперь некоторые могут силой мысли влиять на порядок вещей. Однако первооткрыватель совершил ошибку и создал из подопытного человека чудовище невероятной мощи. Всесильный монстр пока не начал перекраивать мир под себя и стирать миллионы людей с лица земли лишь по одной причине — он абсолютно уверен, что его создатель еще сильнее. Но недалек день, когда наемники самопровозглашенного божества доложат: это не так...

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-091984-0

© Смирнова М.В., перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

Пролог

Абдул Салиб проехал восточный пригород Алеппо, самого большого города Сирии, — который сейчас, в очередной раз за множество циклов, миновавших за восемь тысяч лет, был густо населен, — и свернул на узкую дорогу, тянущуюся через пустыню. Лагерь, куда направлялся Салиб, располагался всего в тридцати минутах езды. Не считая звука мотора внедорожника и посвиста воздуха, обтекающего машину, Салиб и двое его товарищей ехали в полной тишине.

Адова пустыня являла собой бесконечное море песка и пустоты, и это пробуждало в душе Салиба инстинктивное чувство беспокойства. Хотя прогресс человечества до изрядной степени обуздал силу этих засушливых земель, путь через жгучие пески усиливал ощущение некой обреченности, которое и без того нависало над тремя людьми в машине.

Салиб понятия не имел, с чем им предстоит столкнуться. Но он слышал кое-что — невозможное, пугающее.

Он знал, что его выбрали для этого задания из-за того, что он отличался высоким интеллектом и рассудительностью, а также не был подвержен суевериям и религиозному фанатизму. И все же, учитывая то, что он слышал, его обычное спокойствие и решительность мало-помалу отступали под напором ползучего страха, от которого он никак не мог отделаться.

У Омара Хаддада, человека, с которым они собирались встретиться, не было никакого видимого прошлого. Он

был *никем*. Не более примечательным, чем любой другой человек из многомиллиардного населения земного шара — из тех людей, которые проживали свою незначительную жизнь, не оставив ни малейшего следа на песках времени. Но вдруг, за один только шаг, следы Хаддада из неразличимых отпечатков превратились во вмятины размером с кратер. Какой же величины они станут в дальнейшем?

И чего он желает? Каким путем он так быстро обрел столь грозную силу?

Салиб свернул с дороги и остановил джип рядом с несколькими десятками машин, припаркованных на импровизированной стоянке, в которую был превращен этот кусочек пустыни — такой же, как и вся прочая пустыня. В пятидесяти ярдах отсюда располагалась цель их пути — лагерь, раскинувшийся возле крупного оазиса. Лагерь представлял собой десятки вместительных шатров, в которых жили истовые последователи человека, расположившегося в самом большом из этих шатров в центре поселения. Его шатер был столь огромен, что мог бы служить жильем сотне человек.

Или одному-единственному человеку, претендующему на звание бога.

Человеку, который быстро становился опасным. Учение Омара Хаддада распространялось словно вирус — чрезвычайно заразный вирус. Его последователи были фанатичными и упорными, к тому же боялись того, что, если они предадут его, он обрушит на них ужасное возмездие. Он считал себя не просто пророком, а божественным существом. Рукой Аллаха.

Омар Хаддад сумел привлечь последователей, которые были так безраздельно преданы ему, и их число росло так быстро, что это привлекло пристальное внимание нового президента Сирии, Халила Наджара. Внимание и беспокойство Наджара стали еще сильнее, когда президент предпринял шаги к расследованию происходящего. Никакие угрозы не могли испугать последователей Хаддада. Наджар лично наблюдал за тем, как пытали нескольких из них, но они отказались отвергнуть Хаддада, ибо иначе они потеряют достойное место в посмертии.

Вера этих фанатиков была настолько глубокой и безраздельной, что Наджар и правящая партия поняли: им нужно быстро остановить Хаддада. Если эту эпидемию не обуздать, все будет потеряно.

Президент Наджар был безжалостным человеком с почти неограниченной властью и имел все основания ожидать, что контроль над ситуацией будет быстро восстановлен. Да, Хаддад начинал доставлять беспокойство, но Наджар мог уничтожить его одним щелчком пальцев.

Поэтому он отправил эмиссара, дабы тот объяснил Омару Хаддаду: его претензии на то, что он является пророком, мессией или, более того, рукой Всевышнего, святотатственны и недопустимы. Что его орды ярых поклонников следует вернуть на путь истинный. Что Хаддаду следует признать себя обычным человеком, точнее, обычным шарлатаном, иначе его ждет смерть.

Эмиссар Наджара совершил паломничество к тому самому шатровому стану, на который Салиб сейчас взирал с некоторого отдаления. Паломничество, которое за последние месяцы предпринимали многие и многие — в те дни, которые Хаддад назначил для приема тех, кто ищет веры. Лидер культа обитал в своем лагере без всякой защиты, и посетителей не обыскивали, не проверяли, нет ли при них оружия.

У Салиба не было сомнений в том, что самоуверенность Хаддада производила впечатление на его влиятельных гостей. А простой стан в пустыне, у границы оазиса, был искусной театральной постановкой. Если хочешь пробудить религиозное рвение, ничто не воскресит дни Пророка Мухаммеда лучше, чем жизнь простого человека в белом шатре, без охраны, когда с одной стороны расстилается адская пустыня, а с другой — над водами источника колыхнется роскошная листва пальм.

Эмиссар, которого Наджар послал *убедить* Хаддада пойти на попятную, располагал огромной силой, и ему даны были указания пустить эту силу в ход, если Хаддад заупрямится. Наджар имел все основания ожидать, что глава культа окажется несговорчивым, учитывая всю бредовость его идей, и надеялся, что слышит о нем в последний раз.

К сожалению, дело обернулось совсем иначе. В последний раз Наджар слышал отнюдь не об Омаре Хаддаде, а о собственном эмиссаре. Ни один человек из эмиссарского отряда не вернулся. И никто не имел ни малейшего представления о том, что с ними случилось.

Тогда Наджар послал еще один отряд — большей численностью и лучше вооруженный, с наказом пустить это оружие в ход немедленно; они были извещены о судьбе первого посольства и предупреждены, что нельзя терять бдительности ни на миг. Их тоже гостеприимно препроводили в «Бермудский треугольник», каким представлялся шатер Хаддада. И о них с той минуты тоже ничего не было слышно.

Больше всего Наджара злило то, что Хаддад полностью игнорировал его — даже не связался с ним, чтобы выразить свой гнев или недовольство. Как будто посланные отряды были мелкими мошками, которых Хаддад прихлопнул, едва заметив, и продолжил делать свое дело, явно ничуть не тревожась о том, что предпримет президент Наджар в связи с исчезновением его эмиссаров.

Но, несмотря на всю театральность жизни в шатре посреди открытого лагеря, Хаддад намеревался перебазироваться в более укрепленное место. Недавно он приобрел роскошное поместье, некогда принадлежавшее богатейшему из жителей Сирии: оно занимало десятки акров земли и было обнесено современной защитным периметром.

Пока что Наджар не препятствовал усилиям Хаддада по возведению оплота. Не имело значения, насколько прочна будет крепость Хаддада: она не спасет его от прославленной сирийской авиации. Не выстоит против ковровой бомбардировки и налета реактивных истребителей: что мог религиозный лидер противопоставить их пушкам и снарядам?

Салиб нахмурился. С другой стороны, было вполне вероятно, что влияние Хаддада уже проникло в армию и что его преданные последователи в вооруженных силах перехватят любой приказ о его уничтожении — и последствия этого непредсказуемы. Президент Наджар отлично понимал, что попытка решить дело силой может обратиться против него самого.

Поэтому на сей раз Наджар выбрал иной подход. Мирный. Он был в замешательстве и хотел понять, что же именно ползет, подобно чуме, из лагеря в пустыне. Поэтому теперь он послал Салиба. С предложением мира. И без оружия.

Салиб и два его спутника подошли ко входу в шатер — по сторонам от входа стояли два последователя Хаддада в белых одеяниях. Салиб представился этим людям, назвал своих спутников и объяснил, что ищет совета Великого — так его проинструктировали. Один из мужчин в белом вошел в шатер и вернулся лишь несколько минут спустя, жестом пригласив визитеров внутрь.

Салиб оглянулся на своих спутников — оба они были так мрачны, словно собирались прыгнуть в яму, полную скорпионов, — и с трудом сглотнул.

Они вошли в шатер, а послушники Хаддада остались снаружи и закрыли входной полог. В тридцати футах впереди, у стены шатра, в полном одиночестве стоял Хаддад в безупречно белом бурнусе и головном покрывале-куфии. Его темная борода была коротко и аккуратно подстрижена, и весь он словно бы излучал чистоту и безыскусность. Он едва ли не светился — как этой безукоризненной белизной, так и ошеломляющей самоуверенностью, словно сочащейся из каждой поры его кожи.

У входа в шатер и по четырем его углам размещались белые мраморные постаменты, на каждом из которых стояла золотая клетка с крошечной птичкой — оперение их было желтым или оранжево-красным. Салиб задумался, не были ли эти птицы каким-либо религиозным символом, однако времени на дальнейшие размышления у него не было.

Он и двое его спутников представились, и Омар Хаддад окинул их взглядом — судя по всему, он спешил перейти сразу к делу.

— Мы благодарим тебя за то, что позволил нам лицезреть тебя, э-э... Великий, — произнес по-арабски Салиб, чуть поклонившись. — Как мы и сказали твоим ученикам, мы — посланники президента Наджара.

Хаддад безмятежно улыбнулся.

— На этот раз никакого оружия? — с легким удивлением поинтересовался он.

Салиб улыбнулся в ответ:

— Никакого оружия, Великий. Мы пришли с миром. Прости мое невежество, но должным ли образом мы имеем тебя? Нам сказали, что обращение «Великий» вполне приемлемо. Однако нам известно также, что многие из твоих последователей называют тебя Махди или же Двенадцатым Имамом¹. Желает ли ты, чтобы к тебе обращались именно так?

Хаддад покачал головой:

— Нет. Я не Махди, я превыше оного. Однако я могу понять ложные убеждения моих сторонников в том, что во мне заключен дух Махди. Я *Длань Аллаха*. Но вы можете называть меня просто Аль-Йад. «Великий» — тоже вполне приемлемо.

Салиб кивнул. «Аль-Йад» и означало «длань». Еще один милый показательный штришок. Этот человек явно не страдает заниженной самооценкой.

Вдобавок Салиб оценил смелость и творческий подход Хаддада при создании нового божественного титула — совершенно нового, а не заимствованного из древних пророчеств. Хаддад не стал утверждать, что он Махди, Вдохновленный Свыше, которого многие считали мессией. Существовало слишком много различных интерпретаций этого пророчества. И выдать себя за Аллаха он, конечно же, не мог. Поэтому решил создать для себя отдельную нишу в мифологии, где-то посередине между этими двумя сущностями.

— Прости меня, Великий, — продолжил Абдул Салиб, — но я хотел бы перейти сразу к цели нашего визита.

Стоящий перед ними человек кивнул.

— Мы здесь ради того, чтобы спросить о твоих намерениях. Буду прям: каковы твои цели, Аль-Йад? Чего ты пытаешься достигнуть? Чего ты хочешь?

¹ Махди — в исламе: последний преемник пророка Мухаммеда, мессия, который появится перед концом света. отождествляется с двенадцатым имамом, последним духовным лидером мусульман.

Холодная, безрадостная улыбка скользнула по губам Аль-Йада.

— Чего я хочу? Чтобы меня оставили в покое, дабы я мог и дальше возводить свой храм. Я не враг вам. Я хочу собрать всех верующих, а затем, в положенное время, истребить всех неверных. Я превращу улицы городов, где обитают нечестивые, в алые реки крови, а затем и сами города — в дымящиеся груды пепла. Только истинные последователи ислама избегнут гибели.

Что означало — истинные последователи самого Хаддада, Салиб это понимал. Он заметил также, что Хаддад начал вещать языком древних писаний: «возводить свой храм», «нечестивые». Этот человек был настоящим фанатиком.

Но Салиб слышал всякое... В эти рассказы было трудно поверить, однако не менее трудно было верить в то, что столько людей последовало за Хаддадом лишь из-за его харизмы и умения создавать театральные эффекты. А исчезновение двух вооруженных отрядов было отличным фокусом, который был не под силу даже лучшим иллюзионистам Вегаса.

Салиб не стал оглядываться по сторонам, чтобы увидеть реакцию своих спутников. Они присутствовали здесь лишь как свидетели происходящего, дополнительные глаза и уши, и им было велено молчать, пока к ним не обратятся. Это было сольное шоу Салиба.

Он откашлялся.

— Это весьма похвальные цели, Аль-Йад, — произнес он. — Хвала Аллаху. Однако в то же время ты должен понимать, почему они могут доставить проблемы президенту Наджару. Трудно править страной, когда кто-то другой царит в сердцах и умах столь огромного множества людей.

Аль-Йад пожал плечами, но ничего не сказал. «Не мои проблемы», — говорил его жест.

— Присоединись к нам, Аль-Йад. Президент Наджар готов сделать тебя своим заместителем. Законным духовным вождем. Он готов позволить тебе продолжать возводить свой храм.

— *Позволить мне?* — резко бросил Аль-Йад.

— Прости, о Великий, — немедленно отозвался Салиб. — Я неточно выразился. Я хотел сказать, что он готов помогать тебе и поддерживать тебя в дальнейших твоих благословенных трудах. Вместе вы сможете добиться лучшей жизни для себя, для нашей любимой страны и нашей веры.

— Я Длань Аллаха, — коротко ответил Хаддад. — Какая помощь может быть мне нужна?

— Никакая, о Аль-Йад. Однако, при всем твоим могуществе, это превосходное предложение. Быть заместителем правителя всей Сирии.

— Скоро я буду правителем всего мира. Мира, очищенного от неверных и перекроенного по моему желанию. С тем же успехом твой президент мог бы предложить мне должность метельщика.

Абдул Салиб с трудом сглотнул:

— Следует ли мне передать президенту, что ты отвергаешь его предложение, Аль-Йад?

— Следует.

Салиб подумал о том, что могло случиться с прошлыми двумя посольствами, которые принесли с собой оружие и почти наверняка пытались пустить его в ход. Потом попытался отделаться от воспоминаний о некоторых слышанных им историях об этом человеке. Пока что их разговор протекал мирно, однако Салиб был испуган как никогда в жизни. И дело было не только в слухах. От Хаддада исходила явная угроза, как будто он мог одним движением руки оборвать их жизни — будь на то его воля.

В шатре было прохладно, однако по телу Салиба под церемониальными одеяниями струился обильный пот. У него было четкое ощущение того, что его жизнь сейчас зависит от верного выбора слов. От того, как он сможет высказать послание Наджара — то послание, которое ему было велено передать в том случае, если Омар Хаддад отвергнет предложение президента. Впрочем, в любом случае это предложение было лишь уловкой. Если бы Хаддад согласился, Наджар лишь притворился бы, будто наделяет его реальной властью, внимательно изучил бы его, чтобы понять, каким способом будет лучше избавиться от новоявленного «пророка».

— Президент будет... э-э... разочарован, о Великий. Я лишь скромный посланник, конечно же, но я не могу гарантировать, что он не воспримет это как... личное оскорбление.

— Пусть.

— Если он примет твой отказ за оскорбление, Аль-Йад, он может пожелать свершить возмездие.

Хаддад широко улыбнулся.

— Он может желать чего угодно. Но он лишь человек, — с презрением прошипел он. — А я превыше всякого возмездия, что он может обрушить. Разве я не Длань Аллаха? — требовательно спросил он. Обычно невозмутимый Салиб вздрогнул.

— Поистине, это так, о Великий.

Мысленно Салиб сделал глубокий вдох и попытался унять дрожь в голосе — хотя это неожиданно оказалось труднее, чем он готов был признать.

— Еще раз прошу твоего прощения, Аль-Йад. Но было бы нечестно с моей стороны не напомнить о том, что президент Наджар контролирует сирийскую авиацию. Это, конечно, лишь гипотетический вопрос, но он приказал мне напомнить тебе, что одно его слово — и эта часть пустыни будет превращена в... стекло.

На губах Омара Хаддада вновь появилась улыбка.

Этого человека действительно забавляли угрозы президента. Это невероятное высокомерие пугало Салиба куда больше, чем любая другая реакция, которую мог бы продемонстрировать Хаддад.

— Быть может, подобная попытка оказалась бы для него весьма познавательной, — спокойно ответил Аль-Йад, пожимая плечами.

Последнее, чего хотел Наджар, — это использовать подобную превосходящую силу против этого человека, и, похоже, глава фанатиков достаточно хорошо это понимал. Он ставил на то, что Наджар не отдаст военной авиации, чья верность была сомнительной, приказ обрушить всю мощь на того, кто ни единым поступком, ни единым словом не погрешил против нынешнего правящего режима.

К тому же Аль-Йад обзавелся армией фанатиков, столь преданных ему и уверенных в его божественности, что убивать его и тем самым возводить его в ранг мучеников было попросту опасно. Кто-то мог бы решить, что убийство Хаддада показало бы всем его последователям, что он обычный человек, а не посланник свыше, однако президент Наджар был уверен — это убийство убедит их в обратном.

— Великий, президент просил меня сообщить тебе еще одно...

— Довольно! — закричал Аль-Йад, и глаза его неожиданно вспыхнули свирепой злобой. — Я устал от этой бессмыслицы, — добавил он ледяным тоном, жутко контрастирующим с его пылающим взором. — Настало время преподать урок.

Песок вокруг сандалий главы культа начал неистово содрогаться, как будто под его ногами возник эпицентр землетрясения, угрожая разверзнуть в земле глубокую трещину.

Глаза Салиба расширились. Слухи о подобных явлениях, казавшихся сверхъестественными, разошлись уже повсеместно.

Аль-Йад спокойно стоял в центре бури, продолжая сверлить яростным взглядом троих визитеров.

И вдруг Хаддад начал плавно подниматься в воздух.

Салиб и оба его спутника едва не ахнули.

У всех троих возникло отчаянное желание бежать или рухнуть на колени. Но отчего-то они остались стоять, словно примерзнув к песку.

Аль-Йад продолжал парить в воздухе — величественно, без усилий, его ноги были уже в пятнадцати футах над землей. Он нависал над посетителями, едва не касаясь головой крыши шатра, и песок под его ногами осел и снова сделался совершенно неподвижным.

Салиб ощущал, как от этого человека исходит энергия, подобно электрическим разрядам, а изначальное ощущение уверенности, излучаемое Хаддадом, еще больше усилилось. Посланник президента почувствовал, что дрожит при виде этой демонстрации чистой силы. Но была ли эта сила божественной?

Последователи Хаддада утверждали, будто тот способен на еще более невообразимые трюки, и президент с Салибом пришли к выводу, что этот человек, вероятно, научился у какого-нибудь известного фокусника созданию сложных иллюзий.

Однако наблюдать одну из этих «иллюзий» самолично было жутко, она пробуждала в глубине души панический ужас, какого Салиб никогда ранее не ведал. Вся его обычная смелость мгновенно испарилась — как будто он был дичью, которую охотник свеживал, обнажая мягкую содрогающуюся плоть, пропитанную не кровью, а иррациональным ощущением страха, от которого Салиб никак не мог отделаться.

Неудивительно, что последователи Аль-Йада столь исто-во ему верили. Верили, что он действительно Длань Ал-лаха. Можно было приводить сколько угодно рациональных доводов в пользу того, что это фокусы — но эмоции, инстинкты свидетельствовали об обратном.

— Я передам через тебя послание, Абдул Салиб, — промолвил Аль-Йад, и головы всех трех визитеров откинулись назад, взгляды устремились на Хаддада — три пары немигающих глаз, три чуть приоткрытых рта. Аль-Йад не повысил голос, однако каким-то образом этот голос зазвучал более грозно и звучно, и посланники не могли пошевелиться, точно скованные заклятием. — Для твоего президента Наджара.

Земля снова начала содрогаться, но на этот раз еще более яростно, по всему шатру, как будто на них одновременно обрушилось землетрясение и песчаная буря. Все пять птиц встревоженно защибетали и заметались по своим тесным клеткам. Два постаменты опрокинулись, золотые клетки, кувыркаясь, полетели на оживший песок. В шатре стремительно нарастал рев, похожий на вой реактивного двигателя, он обрушивался на людей, едва не разрывая барабанные перепонки.

— Скажи своему президенту, что я не приму больше никого из его людей, — прокричал Аль-Йад так громко, что его было слышно даже сквозь этот ужасающий рев. — И я больше не допущу его вмешательства в мои дела. Я Длань